

В. В. РОЗАНОВ

Вечная тема

В «Живой жизни»¹, очень интересном и прекрасно составленном новом религиозном журнале, начавшем издаваться в Москве*, помещена интересная статья г. Эрна «Социализм и проблема свободы»². О «социализме» и «проблеме свободы» я пропустил, не интересуясь ими, но в конце статьи натолкнулся на рассуждение о смерти, об умирании. Это так хорошо и значительно, что ничего более веского, грустного, религиозно-мучительного я не читал после «Смерти Ивана Ильича» Толстого. Мой образ мысли совершенно противоположен образу мысли г. Эрна. И мне хочется сказать ему, как другу-автору (лично я его не знаю, но всякий задушевный автор становится другом читателю), следующее письмо-исповедание:

— Вы так боитесь смерти? Она вас так пугает своим образом, своей бессмысленностью, своею болью и печалью, что, — кажется вам, — человек не может быть счастлив, пока он смертен, и что даже ни о чем, кроме смерти, он и не может думать серьезно в своей жизни... Вы говорите это пространно, длинно, гораздо лучше, чем я, но, вкратце, вы говорите именно это... Вы хотели бы бессмертия, «воскресения там, за гробом», и указываете, что это «обещает нам воскресение Христа»...³

Мне это не кажется так.

Прежде всего, «воскресение Христа» ничего не обещает нам. Он — Бог, мы — люди: из «воскресения» Бога ничего не вытекает для человека. Бог мог воскреснуть, а человек, может быть, и не может воскреснуть? Не знаю. Меня «воскресение Христово» не убеждает, что я воскресну... В идеях г.г. Эрна,

* Редакция некоего г. Руковича (Москва, Тверская ул., дом Олсуфьева). Цена 5 руб., сельским священникам учителям и учащимся скидка 10%. Главные сотрудники г.г. Свенцицкий, Эрн и Ельчанинов.

Вл. Соловьева, Мережковского, Тернавцева, которые все указывают на «Воскресение Христово», говоря, что там содержится некое обещание и нам, я не нахожу связности. От большего и разнородного нельзя заключать к меньшему и неоднородному. «Бог» и мир сотворил, а я — не могу.

Хотел ли бы я очень воскресения? Не знаю. Ведь есть и очень мучительное в жизни, стыдное. Мы воскреснем «со всем в себе», а не «по-хорошему»... Как же тогда? Не лучше ли быть совсем забытым, исчезнуть? Не знаю, что лучше, что больнее. Говорят: «все всем будет прощено», или: «все воскреснем со стыдом и поэтому никому не будет стыдно». Не знаю, хорошо ли и это: такое было бы печальное зрелище. Да и это взаимное прощение, «потому что все преступники»... брррр...

Я почти не желаю воскресения, или желаю с тем, чтобы быть только с Богом и без «других»... Без свидетелей и очевидцев. Я бы желал «воскреснуть» и не «для Бога» в богословском смысле, а чтобы продолжать помнить и продолжать любить тех, кого знал и любил на земле. В последнем анализе «земля» для меня все: сужу потому, что без воспоминания «о земле» и «земных людях» я решительно не хочу «воскреснуть». Не имею интереса к «воскресению»...

Так думаю. Может быть, скверно, но так думаю.

Самый «Бог» для меня какая-то сумма узнанных, встреченных, милых людей, удлиненная, бесконечная, но — она... Я путаюсь, неясен, чувствую это. Без «этих людей» сам Бог для меня как-то не нужен, т. е. «тот» Бог, какой-то огромный, огромный, и чужой, и страшный или там «наказывающий», что ли... Это так огромно и далеко, что я не умею ни любить «этого огромного», ни не любить. Ничего. Если Он хочет меня за это «наказать» — пусть...

Я очень мал. За что Богу меня наказывать? Не знаю. Борься со мною, победить меня, искалечить меня, «сжечь огнем»? Не знаю, не знаю. До того «не знаю», что не боюсь.

Быть вечно с памятью о милых людях, — да, это манило бы... Другого, пустого, с «обнажением» и «свидетелями», я не хотел бы. Но если будет такой всемирный скандал, ну, что же... Зажмем глаза руками. Не будем смотреть. Не осудим друг друга. Не заставит же Бог нас плевать друг на друга, не устроит такой всемирной плевательницы.

Нет, это так глупо, что, конечно, этого не будет.

Просто, я думаю, умрем... Отчего это так страшно, отчего нам всю жизнь об этом думать, отчего «при наличности смерти — все радости не в радость» (тезис г. Эрнэ)?

Эрн, положим, через три года потеряет имущество, какое имеет: неужели же из-за этого ему не идти сегодня в кухмистерскую обедать? Будет голодно — он будет голодать; но когда можно быть сытым, почему же не быть сытым? Не понимаю. Эта философия мне кажется туманною. Мне кажется, г. Эрн одевает смерть *мистицизмом*, а жизнь он мистицизмом не одевает. Мистицизм имеет свойство все удлинять, расширять, простирать «куда-то», «обесконечивать»... Увитая *мистицизмом* «смерть» и представляется бесконечною, огромною, всезакрывающею. Но ведь с таким же правом и жизнь может потребовать себе мистического одеяния, и под его покровом она представится еще неизмеримо бесконечнее смерти, бесконечнее смыслом своим, драгоценностью своею, милостью своею тем, что она жила, и чем и почему мила.

Хотите «мистицизм» — *туда*, берите (или допускайте) его и *сюда*. А если вы жизнь, еду, довольство, литературу признаете только «маленькими эмпирическими фактами», то позвольте мне и на смерть взглянуть, что вот я «простужусь, будет воспаление легких, поколет в груди, покашляю и — *умру*». Только. Почему не *только*? Эмпирический факт смерти не длиннее всякого эмпирического факта в жизни, а мистический факт смерти гораздо короче и проще факта жизни под углом мистического на нее воззрения.

Мне кажется, наше дело на земле просто: делай хорошо свое дело. И больше — ничего! Никаких страхов, опасения «за будущее». Делал хорошо свое дело: а «там» счет может быть представлен «с пристрастием» или без пристрастия. Если без «пристрастия», то мне и «там» будет хорошо, потому что за что же будет худо?! А если «с пристрастием»: то это исключает самую идею «суда» и кассирует «судию» (именно как *судию*) и открывает возможность «черт знает чего такого», и в таком случае я об этом ни думать не хочу, ни бояться этого не хочу, и вообще все считаю в «ничто».

Итак, работа здесь — вот и все! И никакого беспокойства, ни страха за «там». Если здесь хорошо (исправно), то и «там» хорошо; а если «там» — ничего, то это тоже ничего. Пожили. Любили. Трудились. Осмысливали, многое осмыслили. Как это хорошо было, счастливо, радостно. Сколько я радостей пережил, когда писал книгу «О понимании» (очень длинную)⁴. Сказать, что это «ничто» и будто смерть «поглотит все» — чепуха. Не поглотит же она моей бывшей радости (когда писал книгу «О понимании»), да и вообще ничего она не поглотит, потому что и нельзя ей ничего поглотить, кроме вот той неде-

ли, когда я «простужусь и начну кашлять» и проч. Ну и пусть возьмет ту неделю. Это так же просто, как то, что сегодня у меня не было денег и я не пообедал.

Может быть, я глуп и мое рассуждение глупо? Может быть. Но я написал книгу «О понимании» (5 лет сидел за одной книгой) и не постигаю, почему я глупее Эрна. Может быть, мы все не умны? Вероятно. Но для чего эту «вероятность» тянут в черную темную сторону — не понимаю же. Оставьте все, как есть. Не тяните ни туда, ни сюда. Есть черное, есть светлое. Смерть, конечно, тяжела, но радость жизни бесконечнее ее. Сами говорите, что смерть «бессмысленна». Ну, а о жизни никак этого нельзя сказать, а все «осмысленное» конечно длительнее, сложнее «бессмысленного». Что такое «бессмысленное» на конце «осмысленного»? Точка. Ну и пусть ставится эта «точка» после прекрасной книги, какую была наша жизнь.

Эта книга мудрая (у всякого). Это книга сладкая. Это книга горькая. И святая, и грешная. Бесконечная книга! Ничего (во всем мироздании) нет столь великого, неоцененного, дорогого, лучшего из лучшего, чем обыкновенная жизнь обыкновенного человека. Только по отношению к ней я что и так называемое Св. Писание (кажется, и все так делают), и таким образом она для меня и есть Св. Писание, реальное Священное Писание.

Будем, друзья, жить хорошо, — и авторы-друзья, и читатели-друзья! Не будем всматриваться в это «там», в анализировать, что есть «точка»? Будем внимательнее, с великою страстью, с великим благоговением всматриваться в «здесь»... Если бы я был великим иереем, все молитвы я положил бы на «здесь», «сюда»... Я сотворил бы религию «здесь» и «здешнего»: и уверен, тогда бы нас гораздо лучше судили и «там», если вообще есть «там» суд, что, впрочем, и не интересно, раз уже все положено «здесь»...

Будь, человек, хорош: и оставайся спокойным в отношении страхов и здешних, и «тамошних». Для тебя равно хорошо и «все» и «ничего». И что будет дано, то и прими с радостью. Умру? Умру. Страшно? Не страшно. «Бог будет судить, Бог засудит...» Не сможет, не за что; а если все-таки «осудит» и «не за что», то какой же и почему же он для меня «Бог», — и, я думаю, это просто маленький «бог» маленьких попов, судящий дела мирские, как они судят «дела» в консистории. Слишком антропоморфично и даже консисторо-морфично. Перед этим я не питаю испуга, а все другое или неясно, или хорошо.

